

Бытие смысла и существование о-смысляющего в смысловой среде

Смысл: аксиома существования

Смысл как коррелят и эффект-результат понимания существует только для “ясного и отчетливого сознания”, без предположения которого абсурдно говорить о каком-либо смыслопрочтении. Хотя источником и средой смыслопорождения может выступать все что угодно (лишь бы оно было дано и доступно опыту): от явлений природы и исторических происшествий до аффективных телодвижений (мимика, жест, пластика поведения) животных и людей. Но все это наделено смыслом только для воспринимающего и присваивающего смысл сознания и может иметь место только в его “окрестностях”, в его горизонте. Иначе говоря, имеется продуманная еще классическим трансцендентализмом “принципиальная координация” сознания с его формами, фактами и актами и всего того, что может стать предметом опыта как такового. Отсюда неизбежный круг традиционных онтогносеологических вопросов, которые в данном случае можно обобщенно обозначить как *хронотоп* смысла: где и когда существует смысл? Где его “место”? Он безотносительно к чему-либо предан и задан или же соотнесен с ситуацией человеческого существования, неотделим от нее, а значит преходящ, ситуативен, темпорален и не образует никакой внешней “объективной реальности”? Выбор варианта ответа (если не отвергать саму постановку вопроса) предполагает опору на одну из базовых философских стратегий, среди которых: платонизм (бессубъектность, вечность, неизменность и предзаданность смысла, его самобытие “до, вне и независимо от”); трансцендентализм (относительность к субъекту, его структуре, оснащению, состоянию и тому подобное); натурализм (смысл — эпифеномен языкового поведения по кодированию и обмену информацией, что сводит его к верифицируемому, инструментальному и конвенционально фиксируемому “значению”).

Область смысла

Область смысла — это область моего и нашего (со-) присутствия в мире, (со-) переживания своего (нашего) существования. То есть область смысла — бытие в мире и восприятие мира “в окрестностях человека”. Считать, поэтому, что сферой смысла, где он пребывает, а не просто обнаруживается и оформляется, является язык (понятый

даже и как “среда”, а не просто как средство коммуникации) — значило бы придавать ему статус активной и самосущей субстанции (подобные признания можно найти, например, у Гадамера). Тем самым повторяется стандартный мыслительный ход классического философствования, испытывавшего имманентную потребность в адресе, по которому можно указать на “истинно-сущее”, “подлинное”, “на самом деле” и тому подобное.

Смысла нет там, где нет акта выражения, выражающего субъекта и объекта его восприятия-переживания (причем одновременно и произвольно-спонтанного, и вынужденно-заинтересованного).

Субъективность смысла

Субъективность — это необязательно психологизация и психологизм. Все зависит от того, как изначально тематизируется человек. Если в нем натуралистически видеть члена “натурального ряда” вещей, “часть природы” и тому подобное, то останется совершенно непонятной его способность как к математическому, например, познанию (созерцание и подчинение логической необходимости эмпирического психо-физического существа тогда выглядит как непостижимое чудо), так и к овладению самим языком. Можно для вящего удобства терминологически различать субъективность и субъектность и констатировать субъектность смысла, которая и онтологична, и объективна, поскольку субъект-наблюдатель смысла не может осмыслить себя из актуального здесь-теперь-так-а-не-иначе, не совершив тем самым именно неосмысленной и чисто номинально-словесной процедуры, напоминающей в чем-то образ улыбки чеширского кота.

Когда говорят о порождении смысла в самом акте смыслопрочтения (или диалоге с Другим), то уже предполагают сознательный комплекс усилия, волевой устремленности, целезаданности. Рефлекторно реагирующая на нечто внешнее живая плоть, “беспамятное тело” — не может быть ни носителем, ни владельцем-восприемником, ни генератором смысла, но лишь элементом окружающей Среды, способным быть лишь источником восприятия смысла для кого-то другого, для субъекта-наблюдателя. Поэтому, как я полагаю, сохраняет все свое значение именно *трансценденталистская* схема: критикорефлективная, самоотчетная субъективность есть мера всех смыслов (что отнюдь не означает, что смысл “назначается” произвольно; даже игровые экспериментации-провокации именно осмысляются в модуле таких, например, вопросов, как “ну, и что?” “что это значит?” “почему это может быть интересно?” и так далее). Смысл, в свою очередь есть мера и форма моей самоотчетности и идентичности, удер-

жания себя в себе и для себя, моего пребывания в мире, а не наличия в нем в качестве мимолетной детали пейзажа, безразличной для любого другого наблюдателя, в свою очередь озабоченного сходными проблемами. Все остальное: устройство моего физического тела, наполнение и автономия моего бессознательного и прочее в том же роде — лишь условия (пусть важнейшие и ближайшие), лишь несущая основа, лишь окрестности моей самости и самоидентичности.

Смысл в языке

О смысле приходится говорить в двух “смыслах” (хотя это и не то, что имел ввиду Мерло-Понти, выдвинувший знаменитый тезис о “двусмысленности смысла”). Первый из них сравнительно тривиален: смысл как коррелят и результат локальных, единичных актов понимания. Мы понимаем высказывания, тексты, жесты, ситуации (положения дел), факты в их связи и тому подобное. Здесь смысл выступает как форма связанного сознания, направляющего наше поведение и обеспечивающего единство опыта и практически-адекватную степень самоидентичности. Ведь что-то, упрощенно говоря, связывает в значащее слово и фразу последовательность букв, что-то превращает поток акустических колебаний в звуки, звуки в фонемы, фонемы в слова и так далее. И никакая физиология, никакой объективный (в натуралистическом смысле слова) подход не помогут понять, в чем тут дело. Осмысленность и смысл как таковые для сознания априорны, суть формы его существования, самодвижения и самоудержания.

Смысл как событие

Второе значение слова смысл интереснее и косвенно подводит к возможности строить предположения об онтологии смысла (что не менее трудно, чем в вопросе об онтологии сознания). Смысл — это нечто, что живет в актах сознания, в динамике внимания-удостоверения, волевого воспроизводства, и о бытии чего следует, видимо, говорить не только и не столько в платоновой стилистике пребывающих структур, по матрице и вокруг которых вертится запечатлевшее их изменчивое сознание, сколько, скорее, в динамической энергичной стилистике, мощную интуитивную и концептуальную основу которой заложил еще Аристотель (в частности, в трактате “О возникновении и уничтожении”). При таком сдвиге угла зрения феномен смысла предстает как событие, где существенно ощущение необратимости, внезапности и неожиданности, некой фатальности и принудительности, уникальной неповторимости, но отнюдь не случайности (взятой в меланхолическом скудоумном модусе “могло быть, а могло не быть.. могло так, а ведь могло и иначе..”). Однако, что счи-

тать событием? Едва ли пестрое мельтешение изменений и происшествий в перцептивной поле было бы продуктивно называть событиями, — разве что по ни к чему не обязывающей привычке обыденного языка. Смысл как событие и событие смысла должно мыслиться как нечто, нарушающее мою привычную систему диспозиций и ожиданий в ходе понимания-осмысления, как нечто такое, что вмешивается в наполнение моей идентичности, требует пересмотра и нового удостоверения того, что я в ней считаю важным, неслучайным, надежным и должным. Иначе говоря, речь идет о кризисе, надломе, перспективе переоценки ценностей, о потрясении основ. Максимальная интенсивность подобного бывает в так называемых пограничных ситуациях (вина, болезнь, угроза смерти, религиозное озарение и проч.).

А.А.Парамонов

Экология языка

Мне хотелось бы предложить подойти к рассматриваемым здесь вопросам о языке, смыслопорождении, диалоге и в связи с этим, естественно, проблеме Другого с позиций, которые можно было бы назвать, если угодно, экологическими. Мне кажется достаточно интересной модель представления языка в качестве среды жизни человека, что-то вроде водной среды для морских обитателей, которую те не покидают, даже погибая. Можно сказать, что для нас интерес будет представлять не то, что находится в нашей голове, а то, в чем находится наша голова.

Модель или, если угодно, метафора языка как среды порождает целый спектр возможных рабочих метафор. Так, мы можем говорить о средовых характеристиках, таких как плотность и упругость, податливость и жесткость. Особенно интересными на мой взгляд представляются здесь связанные со средой световые метафоры: прозрачности, чистоты, искривленности, ясности, очевидности.

Понятно, однако, что средовые характеристики только в том случае оказываются собственно средовыми, когда являются характеристиками условий при которых только и происходят те или иные события. Это, естественно накладывает определенное ограничение на обнаружение самих этих средовых свойств. Если мы начинаем “видеть”, допустим, собственно прозрачность световой среды, то мы оказываемся слепыми, поскольку разрушаются условия наблюдения. В этом